

Изначально оставалось меньше девяти месяцев, а после такого сжигания сил сколько ещё останется? Четыре месяца? Три? Уж не умрёт ли он прямо сейчас?

Но другого выхода нет.

... Всё из-за тебя, чёртов демон!

Сегодня я непременно зарублю тебя.

Чёрный газ распространился во все стороны, и вдруг Се Люй издал яростный рёв, подобный предсмертному всплеску. Внутренняя сила в теле никогда ещё не была так сконцентрирована, все раны на теле внезапно перестали болеть, сознание стало невиданно ясным, атаки меча Дуань Си больше не были слишком быстрыми, чтобы парировать, и даже бреши в его движениях теперь Се Люй видел совершенно отчётливо.

—Генерал Се! Меч!

В тот момент, когда Ся Даньси бросил свой поясной меч, его самого сметающей атакой меча сбило с ног. Поясной меч высоко взлетел в воздух и уверенно приземлился в руку Се Люя.

Лишь сейчас Се Люй наконец вернул ощущение своих лучших лет, периода расцвета. Сжимая в руке острый клинок, он с сокрушающей, рассекающей ветер силой обрушился на Дуань Си. Последняя атака тяжёлого меча настигла его в лоб, он легко уклонился в сторону, и в следующий миг из обеих рук и ног Дуань Си хлынула кровь, он согнулся и упал на колени. Се Люй с силой в тысячу цзюней ударил его в грудь и с силой повалил на землю.

Острый кончик меча лег на шею. Дуань Си, почти не знавший поражений с момента завершения обучения, лежал в холодном дожде, в глазах его отражались клубящиеся тучи и чёрное море.

Всё уходило вдаль.

Дуань Си, наконец словно признав, что ушедших не вернуть, усмехнулся и выплюнул кровь.

—Убей меня...

Он смотрел на этого покрытого кровью мужчину. Великий генерал Чжэньюань Се Люй, слышал, что он благородный муж, которым все восхищаются. Но так называемые «благородные мужи» праведного пути, оказывается, тоже все лицемеры — не сказав ни слова, сначала перерезал сухожилия на его руках и ногах, планируя медленно замучить до смерти?

Но даже так, раз он проиграл, ему нечего сказать.

—Убей меня. Я больше не хочу жить.

—Я не могу убить тебя.

—...

—Если хочешь умереть, сам разберись со своим патриархом, объясни всю подноготную. Когда разберёшься, снимешь вину с невинных людей, и тогда, если должен умереть, найдёшь место и сам убьёшь себя. Если ты и вправду хочешь быть достойным той девушки, достойным вашего ребёнка, то должен поступить именно так.

Убить Дуань Си — наверняка даст демоническому ордену повод для претензий к Горной усадьбе Кленового Листа; но не убивать Дуань Си — оставить бедствие. Поэтому он и перерезал ему сухожилия на руках и ногах — так, по крайней мере, сам Дуань Си больше не будет представлять серьёзной угрозы для Горной усадьбы Кленового Листа и Дворца Внимающих Снегу.

Однако у Се Люя оставались скрытые опасения — если всего лишь заклинатель демонического ордена Цанхань настолько силён, что без использования «Вознесения» он не является ему соперником, то каким же должно быть мастерство самого патриарха... Неужели даже превосходит мастеров внутренних покоев императорского дворца?

Если патриарх действительно придёт под предлогом вызова и даже заденет Дворец Внимающих Снегу, что тогда делать?

Трудно...

Все дела в этом мире, запутанные и беспокойные, в конечном счёте не избегают одного слова — «трудно».

Часто бывает, что какой выбор ни сделай — всё неправильно; что ни предприми — всё нехорошо; какое решение ни прими — всё не даст покоя раз и навсегда.

А глядя на отражение бледного лица Дуань Си в своих зрачках, Се Люй внезапно подумал, что его нынешние «трудности» и вовсе нельзя назвать трудностями.

Его жизнь, хоть и коротковата, но на самом деле прошла неплохо. Даже эти скрытые опасения в основном его не касаются — в конце концов, вскоре он сам умрёт, и те, кто пострадает от мести демонического ордена, в конечном счёте будут лишь Горная усадьба Кленового Листа, Павильон Линвэй, невинные люди Дворца Внимающих Снегу, но не он.

Но от этой мысли ему стало не легче.

...

Звук дождя усиливался, капли воды шумно барабанили, дождь струился завесой, и даже Тан Цзи с остальными, находившиеся всего в двух-трёх чжанах от Се Люя, уже плохо различали его фигуру.

Также не было видно, как промокший насквозь Се Люй с усталым лицом опустился на одно колено рядом с Дуань Си.

—Заклинатель Дуань, в прошлом... я был таким же, как ты, подвёл одного человека. И, как ты, прозрел, но сожалеть было уже поздно.

—...

—Мёртвых не вернуть. Заклинатель должен понимать: совершив ошибку, даже если это лишь мимолётная мысль, даже если есть какие-то оправдания и отговорки, в конце концов всё равно придётся заплатить цену.

—Если в прошлом подвёл кого-то, изначально требуется заплатить в десять, в сто раз больше. И даже если в десять, в сто раз больше не вернётся то сердце, что когда-то лелеяло тебя, любило тебя, уважало тебя, ты должен смириться.

Он повернулся, посмотрел на всё ещё полные обиды и нежелания сдаваться упрямые глаза Дуань Си и горько усмехнулся:

—Даже если не хочешь смириться, даже если ропщешь на небеса и людей, в глубине души заклинатель прекрасно понимает, из-за чего она... на самом деле умерла.

—Это... кхе-кхе... это вы... это Горная усадьба Кленового Листа плохо за ней ухаживала...

—Если бы в своё время заклинатель сам мог заботиться о девушке Сяо Дэ, разве оказалась бы она на улице? Говоришь, Горная усадьба Кленового Листа плохо ухаживала, но если бы не Тан Цзи спас её, она, вероятно, уже давно бы умерла, и твой сын тоже бы давно умер.

—Ты, ты—

—Заклинатель также должен знать: я слышал, девушка Сяо Дэ до самой смерти... не произнесла ни слова ненависти в твой адрес.

—Прожить жизнь, имея того, кто так к тебе относится, уже не напрасно. Возможно, однажды заклинатель сможет это понять.

Дуань Си замер. В глубине глаз наконец появилась тень печали.

—В конце концов, её последнее желание состояло лишь в том, чтобы родившийся у неё твой и её ребёнок мог быть кем-то любим и спокойно вырасти. То, что случилось с заклинателем в прошлом, хоть и ранило её глубоко, но в конечном счёте она... не сожалела.

—Ладно, на сегодня Се сказал всё.

С этими словами он поднялся и больше не взглянул на лежащего в дожде человека.

Все оставшиеся в живых в Горной усадьбе Кленового Листа увидели, как Се Люй медленно подошёл, в глазах его была кровь и тьма, вокруг тела вился чёрный газ, и даже лёгкая улыбка, мелькнувшая на его лице, окрашенная глубокой кровавой краской в глазах, по-прежнему напоминала явление демонической звезды в мир.

Все вокруг, кроме Мужун Чжи, невольно отступили на полшага.

И вот, под испуганными взглядами окружающих, Се Люй подхватил Мужун Чжи на руки. Рядом Тан Цзи с тревогой и сомнением, даже неосознанно тихо сжал кулак, как вдруг услышал лёгкий смех Се Люя.

—Господин, успокойтесь, хоть я и выгляжу так, словно немного сошёл с пути совершенствования, сознание у меня вполне ясное.

—Немедленно прекрати... кхе, — Мужун Чжи в его объятиях торопливо сказал. —Кхе-кхе... Немедленно прекрати использовать божественную технику Вознесения!

—Эх, раз уж запустил «Вознесение», прекратить пораньше или попозже — особой разницы нет. А Чжи, дай я сначала отнесу тебя обратно в усадьбу, примешь лекарство, а там поговорим. Посмотри на свои руки, во что они превратились.

—Я... со мной всё в порядке, скорее — скорее прекрати!

—Всё в порядке? Как же всё в порядке? —Се Люй опустил голову, лёгким движением

прикоснувшись лбом к израненному, покрытому кровью лицу Мужун Чжи. —Я не могу позволить тебе, А Чжи, оставаться в таком раненом состоянии и задерживаться в этом месте, откладывая лечение.

Сказав это, он применил «Поступь по снегу без следа» и, держа на руках Мужун Чжи, скрылся из виду на глазах у всех.

Холодный ветер с дождем, словно острые лезвия, резали щёки, окрестные пейзажи мелькали за окном. Мужун Чжи в объятиях Се Люя молчал, чувствуя лишь полное истощение сил, сонливость, а в глазах становилось всё жарче и жарче.

Почему...

Он же знал, что никогда больше не сможет быть с ним без тени сомнения.

Этот человек предал его в прошлом, и даже теперь, когда вернулся, он всё равно не мог понять, какие у него намерения.

Столько раз он думал, что больше не хочет видеть его улыбку, больше не хочет принимать его милости, больше не верит ни одному его сладкому слову. Лучше бы он исчез с его глаз долой, чтобы больше не видеть и не беспокоиться.

Но почему же он снова поддаётся его капле нежности?

Снова хочется заплакать, снова чувствуешь радость. Снова кажется, что даже миг, проведённый в его ладонях, обласканный его нежностью, стоит того, чтобы обменять на него все оставшиеся дни мира и счастья.

Не хочется думать о бесконечном холоде и тьме, что последуют за этим мгновенным утешением.

Лишь бы утонуть в нём сейчас, не вспоминая прошлого, не спрашивая о будущем.

...

В тот день Се Люй помнил лишь, как мчался обратно в Горную усадьбу Кленового Листа и ногой выбил дверь Павильона Снадобий.

Положив Мужун Чжи, он больше ничего не помнил.

Когда он снова пришёл в себя, то оказался в Дворце Внимающих Снегу, на большой кровати Мужун Чжи.

* * *

Беспорядки, вызванные нападением Дуань Си в тот день, вскоре стали известны всей Горной усадьбе Кленового Листа и всему речному озеру.